

Александр Дюма
Мария Стюарт

Серия «История знаменитых преступлений»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178589
Семейство Борджа: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-14737-3

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Александр Дюма Мария Стюарт (1587 г.)

Поистине, есть имена роковые для королей; во Франции это имя Генрих. Генриха I отравили, Генрих II погиб на турнире, Генрих III и Генрих IV¹ были убиты. Что же касается Генриха V,² к которому судьба была так жестока в прошлом, то один Бог знает, что она ему сулит в будущем.

В Шотландии же это фамилия Стюарт.

Роберт I,³ основатель династии, скончался в двадцать восемь лет от упадка сил. Роберт II, самый счастливый представитель рода, вынужден был провести часть жизни не только в уединении, но и в темноте по причине воспаления глаз, которые стали у него красные, как кровь. Роберт III умер от скорби, вызванной смертью одного из своих сыновей и пленением другого. Иакова I в Пертском аббатстве черных монахов заколол кинжалом Грэхем. Иаков II погиб при осаде Роксборо от взрыва пушки. Иаков III был убит неизвестным на мельнице, где он прятался после сражения при Баннокберне. Иаков IV,⁴ пораженный двумя стрелами и ударом алебарды, пал вместе со многими своими дворянами на поле битвы при Флоддене, Иаков V умер от скорби, после того как потерял своих сыновей, и от раскаяния, оттого что велел казнить лорда Гамильтона. Сын злодейски убитого отца, Иаков VI,⁵ которому было суждено возложить себе на голову короны Шотландии и Англии, прожил унылую, полную страхов жизнь, отмеченную в самом начале казнью его матери Марии Стюарт, а после смерти казнью сына Карла I. Карл II⁶ часть жизни провел в изгнании. В изгнании умер Иаков II.⁷ Кавалер Сент-Джордж, после того как был провозглашен королем Шотландии под именем Иаков VIII и Англии под именем Иаков III,⁸ был вынужден бежать, не получив даже возможности придать своему оружию хотя бы блеск поражения. Его сын Чарлз Эдуард,⁹ пре-

¹ *Генрих I* – король Франции в 1031–1060 гг., супруг Анны, дочери Ярослава Великого; *Генрих II* (1519–1559) – король Франции с 1547 г.; *Генрих III* (1551–1589) – последний представитель династии Валуа, король Франции с 1574 г., был убит членом Католической лиги монахом Жаком Клеманом; *Генрих IV* (1553–1610) – стал королем Франции в 1589 г., убит фанатиком-католиком Равальяком.

² *Генрих V* (1820–1883) – так роялисты именовали внука Карла X, герцога Бордоского, жившего после революции 1830 г. в изгнании.

³ *Роберт I Брюс* (1274–1329) – шотландский король с 1306 г., добился от Англии признания независимости Шотландии. Дюма ошибается и насчет продолжительности его жизни, и насчет принадлежности к династии Стюартов.

⁴ Дюма перечисляет шотландских королей из династии Стюартов. *Роберт II* (1316–1390) – первый король этой династии с 1370 г.; *Роберт III* – король в 1390–1406 гг. Его старший сын Давид умер в тюрьме, куда он сам заключил его, а второй сын Иаков попал в плен к англичанам; *Иаков I* (1394–1437) – сын Роберта III, взшел на престол в 1424 г., после освобождения из английского плена, погиб в результате заговора шотландского дворянства; *Иаков II* – король в 1437–1460 гг.; *Иаков III* (1451–1488) – наследовал Иакову II, погиб при бегстве после поражения, нанесенного ему мятежными лордами; *Иаков IV* (1472–1513) – погиб в сражении с английскими войсками. В 1503 г. женился на Маргарите, дочери английского короля Генриха VII Тюдора, что дало его потомкам возможность впоследствии претендовать на английский престол; *Иаков V* (1512–1542) – отец Марии Стюарт; в конце жизни сошел с ума.

⁵ *Иаков VI* (1566–1625) – сын Марии Стюарт и Генриха Дарнли, в 1567 г. провозглашен королем Шотландии, в 1603 г. после смерти королевы Елизаветы стал королем Англии под именем Иакова I. Его сын Карл I (1600–1649) в ходе Английской революции был низложен и казнен.

⁶ *Карл II* (1630–1685) – сын Карла I, в 1660 г. после смерти Кромвеля был приглашен на английский престол.

⁷ *Иаков II* (1633–1701) – второй сын Карла I, стал королем после смерти брата, пытался восстановить абсолютизм, в 1689 г. был низложен в результате «Славной революции», передавшей престол Вильгельму Оранскому. Бежал во Францию, неоднократно пытался вернуть престол.

⁸ *Иаков III* (1668–1766) – сын Иакова II, в 1716 г. с помощью Людовика XIV высадился в Шотландии, но потерпел поражение и вновь бежал во Францию, в 1774 г. отказался от притязаний на английский престол в пользу сына.

⁹ *Чарлз Эдуард, «Претендент»* (1720–1788) – сын Иакова III, в 1716 г. высадился в Шотландии, был поддержан вождями

следуемый после отчаянного похода на Дербби и разгрома при Куллодене, скитался по горам, скрывался среди скал, переплывал реки, наконец, полуголый, добрался вплавь до французского корабля и отправился умирать во Флоренцию, поскольку ни один европейский двор не пожелал признать его прав на престол. Его брат Генри Бенедикт, последний представитель Стюартов, жил на пенсию в три тысячи фунтов стерлингов, которую ему выплачивал Георг III, и скончался в полном забвении, завещав Ганноверскому дому все коронные драгоценности, что Иаков II увез с собою, бежав на континент, и тем самым дав хоть и запоздалое, но зато окончательное подтверждение законности династии, сменившей ту, к которой он принадлежал.

Первенство в несчастьях среди представителей этого несчастного рода принадлежит Марии Стюарт. Брантом¹⁰ сказал о ней: «У всякого, кто захочет написать об этой прославленной шотландской королеве, будут два обширнейших сюжета: один – о ее жизни, второй – о смерти». Познакомился с нею Брантом при самых печальных для нее обстоятельствах: она покидала Францию, отплывая в Шотландию.

Произошло это 9 августа 1561 года. Девятнадцатилетняя вдовствующая королева Франции и королева Шотландии Мария Стюарт, потерявшая в один год мать и супруга, прибыла в сопровождении своих дядьев кардиналов де Гиза и Лотарингского, а также герцога д'Омаля и г-на де Немура в Кале, где ее ждали, чтобы перевезти в Шотландию, две галеры – одна под командованием г-на де Мевийона, а вторая под командованием капитана Альбиза. В этом городе она провела шесть дней. Наконец 15 числа того же месяца после скорбного прощания она, сопровождаемая гг. д'Омалем, д'Эльбефом и де Данвилем, а также множеством дворян, среди которых были Брантом и Шатлар, взшла на галеру г-на де Мевийона, получившего немедленно приказ выйти в открытое море, что и было сделано с помощью весел, поскольку ветер был слишком слаб, чтобы воспользоваться парусами.

Мария Стюарт в ту пору была в расцвете красоты, казавшейся еще блистательней благодаря траурному наряду, красоты столь чудесной, что очарования ее не избегнул никто, кого она хотела покорить, и для всех она оказывалась роковой. Примерно в то время получила известность песня о ней, справедливость которой не осмеливались оспаривать даже соперницы Марии Стюарт. Сочинил ее, как говорили, г-н де Мезон-Флер, благородный рыцарь, искусный в обращении как с пером, так и с оружием. Вот она, эта песня:

Прекрасные черты
 Вуалью белой скрыты;
 Подобье красоты
 Богини Афродиты,
 Стрелу она несет,
 Что ей вручил Эрот.
 Жестокий Купидон
 Порхает с нею рядом,
 Девиз подымлет он
 Над траурным нарядом,
 И сей гласит девиз:
 «Умри иль покорись».

шотландских кланов, но потерпел поражение. Конец жизни провел в Италии под именем графа Олбени.

¹⁰ Брантом, Пьер де Бурдейль, аббат и сеньор де (1560–1628) – французский писатель и мемуарист.

Да, в этот миг Мария Стюарт в белых траурных одеждах¹¹ была прекрасна, как никогда; по щекам ее струились безмолвные слезы; стоя на юте, она, охваченная безмерной скорбью, оттого что вынуждена расстаться с Францией, махала платком, прощаясь с теми, кто испытывал не меньшую скорбь, оттого что остаются. Наконец через полчаса галера покинула порт и вышла в открытое море.

И вдруг она услышала за спиной испуганные крики: судно, плывущее на всех парусах, по недосмотру лоцмана налетело на подводную скалу, получило пробоину и, содрогнувшись и застонав, подобно раненому человеку, стало тонуть под душераздирающие вопли команды. Испуганная, побледневшая Мария застыла на месте, не в силах промолвить ни слова, и смотрела, как судно погружается в воду, а несчастная команда карабкается на ванты и реи в надежде на несколько минут отсрочить смерть. Вскоре и судно, и мачты, и реи исчезли в пучине океана, лишь видны были отдельные черные точки на воде, но и они поочередно пропадали, и вот уже волна набегала за волной, а очевидцы этой чудовищной трагедии, видя океан безлюдным и спокойным, словно ничего не произошло, мысленно задавали себе вопрос, не было ли все это видением, появившимся и тут же исчезнувшим.

– Увы! – воскликнула Мария Стюарт, рухнув в кресло и вцепившись обеими руками в кормовые поручни. – Какое мрачное предзнаменование для столь грустного плаванья!

Затем, обратив к уже удаляющемуся порту глаза, которые от ужаса на миг высохли, а теперь вновь наполнились слезами, она прошептала:

– Прощай, Франция! Прощай!

Почти пять часов она просидела, плача и шепча:

– Прощай, Франция! Прощай, Франция!

Уже спускалась темнота, но она все продолжала сетовать; однако берега больше не было видно, к тому же ее пригласили ужинать, поэтому она встала, промолвив:

– Вот теперь, милая Франция, я бесповоротно утратила тебя: ревнивая ночь укрыла мой траур своим трауром, опустив черную вуаль перед моими очами. Прощай же навсегда, любимая Франция, мне более не видеться с тобой.

После этого она прошла в каюту, заметив, что являет собой полную противоположность Дидоне:¹² та после отплытия Энея не сводила глаз с моря, а она не в силах оторвать взор от земли. Свита окружила ее, пытаясь развлечь и утешить. Однако Мария Стюарт оставалась все так же печальна, почти не отвечала собеседникам, почти ничего не ела, так как ее душили слезы; она приказала поставить себе постель в кормовой каюте, велела позвать рулевого и приказала немедленно разбудить ее, если на рассвете еще будет виден французский берег. И ей повезло: ночью ветер стих, и утром галера была еще в виду Франции.

То была великая радость для Марии Стюарт: разбуженная рулевым, который не забыл про приказ, она вскочила, велела открыть иллюминатор и еще раз увидела столь дорогой для нее берег. Но в пять утра ветер посвежел, галера стремительно начала удаляться, и вскоре земля исчезла из виду. Мария Стюарт, смертельно побледнев, опустилась на постель, вновь прошептала:

– Прощай, Франция, я больше тебя не увижу.

Да, во Франции, о разлуке с которой она так сожалела, прошли ее лучшие годы. Мария Стюарт родилась, когда только-только начинались религиозные смуты; ее колыбель стояла рядом с ложем умирающего отца; траур укрывал всю ее жизнь от рождения до смерти, и тот период, что она пробыла во Франции, был подобен лучу солнца посреди ночи. Клевета преследовала ее с колыбели; слухи, что она урод и не жилец на свете, распространи-

¹¹ Для членов французского королевского дома белый цвет был цветом траура.

¹² Дидона(миф.) – основательница и царица Карфагена; в поэме Вергилия «Энеида» она стала возлюбленной предводителя спасшихся троянцев Энея, а когда тот покинул ее, не вынесла разлуки и покончила с собой, взойдя на костер.

лись настолько широко, что однажды ее мать Мария де Гиз, дабы опровергнуть эту ложь, вынуждена была распеленать ее и голенькую показать английскому послу, который прибыл от имени Генриха VIII просить руки Марии Стюарт для пятилетнего в ту пору принца Уэльского. В девять месяцев Мария Стюарт была коронована кардиналом Битоном, архиепископом Сент-Эндрю, и тотчас мать, опасаясь коварства английского короля, увозит ее в замок Стерлинг. А через два года, решив, что эта крепость все-таки не дает достаточных гарантий безопасности, перевозит ее на остров посреди озера Ментис; монастырь, стоящий на нем, единственное здание в округе, становится убежищем королевы-младенца и еще четырех девочек, родившихся в один с нею год и носящих, как и она, сладостное имя, анаграммой которого является слово «любить».¹³ Они должны будут оставаться с нею и в добрую, и в лихую годину и получают название «Марии королевы». Это Мария Ливингстон, Мария Флеминг, Мария Сейтон и Мария Битон. Она остается в монастыре до тех пор, пока парламент, одоббивший ее брак с дофином Франции, сыном Генриха II, не прикажет перевезти ее в замок Дамбартон и ждать там отъезда во Францию. Туда по поручению Генриха II за нею прибывает г-н де Брезе. Ее переправляют на французские галеры, стоящие на якоре в устье Клайда, и вот, ускользнув от погони английского флота, 15 августа 1548 года, спустя год после смерти Франциска I, Мария Стюарт прибывает в Брест. Кроме четырех Марий королевы, вместе с нею приплывают во Францию три ее сводных брата, а среди них приор Сент-Эндрю Джеймс Стюарт, который впоследствии отречется от католической веры, станет под именем графа Мерри регентом королевства и сыграет столь роковую роль в ее жизни. Из Бреста Мария отправляется в Сен-Жермен-ан-Ле, где только что взошедший на трон Генрих II осыпает ее милостями и помещает в монастырь, в котором воспитываются наследницы самых благородных родов Франции. И там раскрываются способности Марии Стюарт. Рожденная с сердцем женщины и мужским умом, Мария не только проявляет талант в изящных искусствах, составляющих образование будущей королевы, но и постигает позитивные науки, сравнившись в знаниях с учеными докторами. Уже в четырнадцать лет она в зале Лувра перед Генрихом II, Екатериной Медичи и придворными произносит по-латыни речь собственного сочинения, в которой утверждает необходимость просвещения для женщин, говоря, что в равной мере несправедливо и тиранически было бы как лишать цветок его аромата, так и мешать юным девицам добиваться внутреннего совершенства. Можно представить, как воспринимали при самом просвещенном и ученом дворе Европы будущую королеву, высказывающую подобные взгляды. На рубеже клонящейся к упадку литературы Рабле и Маро¹⁴ и восходящей к апогею литературы Ронсара и Монтеня¹⁵ Мария стала королевой поэзии и, право, была бы стократ счастливее, если бы ей не пришлось носить иной короны, кроме той, что ежедневно возлагали на ее голову Ронсар, Дю Белле, Мезон-Флер и Брантом. Но судьба ее была предрешена. В череде празднеств, какими пытались воскресить умирающую рыцарственность, состоялся роковой турнир, на котором Генрих II, сражавшийся без забрала, был поражен обломком копья и до срока упокоился рядом со своими предками-королями; Мария Стюарт взошла на французский престол, облачившись в траур по Генриху, затем сменила его на траур по матери, а после траура по матери надела траур по супругу Франциску II.

Эту потерю она восприняла как женщина и как поэт, сердце ее исходило горестными слезами и гармоническими жалобами. Вот какое стихотворение сложила она тогда:

¹³ Во французском языке слово «любить» – *aimer* является анаграммой имени «Мария» – *Marie*.

¹⁴ *Рабле, Франсуа* (1494–1553) – французский писатель, автор «Гаргантюа и Пантагрюэля». *Маро, Клеман* (1496–1544) – французский поэт.

¹⁵ *Ронсар, Пьер де* (1524–1585) – ведущий поэт французского Возрождения, глава поэтической группы «Плеяда», в которую входил Жоашен Дю Белле (1522–1560); *Монтень, Мишель де* (1533–1592) – французский философ-гуманист, главный труд – «Опыты».

Уныла песнь моя,
Полна жестокой муки,
Надела траур я
С возлюбленным в разлуке,
И мне во цвете лет
Погаснул жизни свет.
Ужель кто б мог сказать,
Что нет страшной удела,
И как мне не рыдать
Без меры, без предела,
Когда любимый мой
Под гробовой плитой?

Среди весны своей
И младости в расцвете
Не знать мне светлых дней,
Быть всех грустней на свете,
Ни счастья не видать,
Ни радости не ждать.

Ни в чем отрады нет,
И полнит все тоскою;
Дневной померкнул свет,
Стал черной тьмой ночью;
От худшей из потерь
Весь мир постыл теперь.

А он стоит в очах,
Передо мной витая,
И в жалобных слезах
Фиалку я вплетаю,
Любимого цветок,
В свой траурный венок.

Мне не дает беда
Ни отдыха, ни срока,
И всюду и всегда
Страдаю я жестоко;
Бегу в тоске своей
Туда, где нет людей.

И все ж, куда б ни шла,
Пускай заря блистает,
Иль всходит ночи мгла
И день уныло тает,
Я мыслю об одном —
Всегда грущу о нем.

И если в небеса
Я взгляд свой обращаю,
Тотчас его глаза
Средь облаков встречаю;
Взгляну в пучину вод —
Их взор меня зовет.

А коль на ложе вдруг
Забудусь на мгновенье,
Его я чую рук
Тотчас прикосновение;
В покое и в труде
Со мною он везде.

Нет в мире никого,
Чтоб сердце покориться
И позабыть его
Решилось согласиться,
Кто был бы так же мил,
Такую ж страсть внушил.

Умолкни, песнь моя,
На ноте сей надрывной,
Тебя сложила я
С любовью неизбывной:
Пусть нет его, она
По-прежнему сильна.

«В ту пору, — пишет Брантом, — она являла взору прекраснейшее зрелище; белизна ее лика соперничала с белизной укрывавшей его вуали, но все же искусственный покров терпел поражение и меркнул перед белоснежностью лица. С того момента, как она овдовела, — продолжает он, — я всегда видел ее бледной, а я имел честь лицезреть ее и во Франции, и в Шотландии, куда ей пришлось через полтора года уехать, несмотря на великую скорбь и вдовство, дабы умиротворить свое королевство, разделившееся из-за религиозных раздоров. Увы, у нее к тому не было ни охоты, ни готовности; я не раз слышал от нее об этом, и она боялась этого отъезда пуще смерти; стократ сильнее она желала бы остаться вдовствующей королевой во Франции и удовольствоваться своими вдовыми владениями в Турени и Пуату, нежели отправиться править своей дикой страной, но господа ее дядя, во всяком случае некоторые, если не все, весьма советовали ей это сделать и даже настаивали, дабы впоследствии раскаиваться в совершенной ими ошибке».

Мария, как мы видели, подчинилась и начала плавание при таких предзнаменованиях, что когда земля скрылась из виду, ей показалось, будто она умирает. И в этот миг в ее поэтической душе родились знаменитые строки:

О Франция, приют мой милый,
Родимый край,
Навек прощай!
Ты с детских лет меня вскормила,
И вот — расстанемся сейчас.

Корабль, что разлучает нас,
Не всю меня везет с собой:
Ведь я в тебе любовь покину,
Души оставлю половину,
Чтоб вспоминать тебя – второй.

Во Франции Мария оставила вторую половину себя – покойного супруга, юного короля Франциска II, унесшего с собой в могилу ее счастье.

У Марии была еще надежда, что при виде английского флота ее маленькая эскадра вынуждена будет вернуться назад, однако предназначенная ей судьба должна была исполниться. Небывалый для этой поры года туман укрыл весь пролив и позволил им ускользнуть от англичан. Туман был такой густой, что с кормы не было видно мачты. Он висел все воскресенье, то есть весь следующий день после отплытия, и рассеялся лишь в восемь утра в понедельник. Их маленькая эскадра, все это время плывшая вслепую, оказалась вблизи рифов, так что, продержись туман еще несколько минут, галера, вне всяких сомнений, налетела бы на них и погибла, как то судно, что затонуло третьего дня у входа в порт. Но туман растаял, лоцман, узнавший берега Шотландии, искусно провел корабли через рифы, и 20 августа они причалили в Лите, где ничего не было готово для встречи королевы. Тем не менее, едва она сошла на берег, городские власти собрались и вышли приветствовать ее. Тем временем поспешно собрали несколько жалких кляч с дряхлой, завязанной узлами сбруей, чтобы доставить королеву в Эдинбург. При виде их Мария не смогла удержать слез, вспомнив великолепных скакунов и чудесных иноходцев, на которых во Франции разъезжали придворные кавалеры и дамы. С первой же минуты Шотландия предстала перед ней во всей своей нищете, а завтра она явит ей свою свирепость.

Проведя в замке Холируд ночь, «среди которой, – как пишет Брантом, – сотен шесть городских голодранцев явились и устроили, не давая ей спать, душераздирающую серенаду на дрянных скрипках и маленьких ребеках»,¹⁶ Мария Стюарт пожелала отслушать мессу. К несчастью, население Эдинбурга почти целиком принадлежало к реформатской религии; разъяренные тем, что королева начинает с демонстрации своей приверженности к папизму, добрые эдинбуржцы, вооружась ножами, камнями и палками, ворвались в церковь, намереваясь убить несчастного священника, духовника Марии Стюарт. Он бежал из алтаря под защиту королевы, а брат Марии, приор Сент-Эндрю, бывший в соответствии с нравами той эпохи в гораздо большей степени воином, нежели священнослужителем, выхватил шпагу и, бросившись между королевой и народом, объявил, что собственной рукой прикончит первого, кто сделает еще хотя бы шаг. Его решимость, подкрепленная надменным и величественным видом королевы, охладила рвение новообращенных реформатов.

Как мы уже упоминали, Мария Стюарт возвратилась в Шотландию в разгар первых религиозных войн. Ревностная католичка, как и вся ее родня со стороны матери, она внушала кальвинистам самые серьезные опасения: распространился слух, будто бы высадиться она должна была не в Лите, куда приплыла только из-за тумана, а в Абердине. Там, дескать, ее должен был встретить граф Хантли, один из лордов, оставшихся верными католической вере, самый близкий и самый могущественный после семейства Гамильтонов королевский свойственник. Вместе с ним и с двадцатью тысячами воинов с Севера она якобы собиралась пойти на Эдинбург и восстановить католичество во всей Шотландии. Позднейшие события не замедлили доказать, что обвинение это было ложным.

¹⁶ Ребека – старинный музыкальный инструмент, род трехструнной скрипки, на котором играли лукообразным смычком.

Мария, как мы уже говорили, очень любила приора Сент-Эндрю, сына Иакова и благородной наследницы графов Мар, бывшей в молодости поразительно красивой, однако, несмотря на всем известную любовь Иакова V к ней и на сына, который был плодом этой любви, она вышла замуж за лорда Дугласа из Лохливена и родила ему двух сыновей, старшего Уильяма и младшего Джорджа, являвшихся таким образом единоутробными братьями регента. Сразу же по возвращении в Шотландию Мария пожаловала Джеймсу Стюарту титул графа Мар, принадлежавший его предкам по материнской линии, а поскольку титул графа Мерри оставался свободным после смерти славного Томаса Рэндолфа, она по сестринской любви присоединила этот титул к другим, которые уже носил регент.

Но тут дело оказалось и сложнее и трудней; не такой характер был у новоиспеченного графа Мерри и не такой он был человек, чтобы удовлетвориться титулом без земель; земли же эти, перешедшие к короне, после того как пресеклась мужская ветвь прежних графов Мерри, мало-помалу были захвачены могущественными соседями, среди которых был и граф Хантли, которого мы только что упоминали; справедливо решив, что ее указы натолкнутся с его стороны на определенное сопротивление, королева под предлогом посещения своих северных владений выступила в поход во главе небольшой армии, которой командовал граф Мар, он же граф Мерри.

Граф Хантли был не настолько глуп, чтобы поверить мнимому предлогу этой экспедиции, тем паче что его сын Джон Гордон за какие-то злоупотребления властью недавно был осужден на тюремное заключение. Тем не менее он выказал королеве все возможные знаки повиновения, отправил навстречу ей посланцев с приглашением посетить его замок и выехал следом за ними, чтобы самолично повторить приглашение. К несчастью, когда он ехал к королеве, комендант Инвернесса, его человек, отказался впустить Марию в этот замок, хотя он считался королевским. Правда, Мерри, считавший, что с такого рода мятежниками нельзя церемониться, уже приказал отрубить коменданту голову как государственному преступнику.

Это новое проявление твердости уверило Хантли, что молодая королева не намерена оставлять лордам ту почти неограниченную власть, которую они перехватили у ее отца; поэтому Хантли, хотя он и встретил самый благожелательный прием, едва узнав, что его сын бежал из тюрьмы и встал во главе своих вассалов, испугался, как бы его не сочли сообщником в этом мятеже, что, очевидно, так и было, и в ту же ночь тайно покинул королевский лагерь, чтобы принять командование над своими воинами, решив, поскольку с королевой было всего тысяч семь-восемь солдат, рискнуть и дать ей сражение; однако он объявил, как в свое время это сделал Баклю при попытке вырвать Иакова V из рук Дугласа, что возмутился он вовсе не против королевы, но против регента, который совершенно не дает ей воли и извращает все ее благие начинания.

Мерри, понимавший, что зачастую спокойствие всего царствования зависит от твердости, проявленной в его начале, тотчас же созвал всех лордов Севера, чьи земли граничили с его владениями, чтобы выступить против Хантли; на зов откликнулись все, потому что род Гордонов стал слишком могуществен, и каждый опасался, как бы он не стал еще сильнее; однако было очевидно, что лорды, ненавидя вассала, отнюдь не питали большой любви к государыне и что в большинстве своем они прибыли на зов, не приняв окончательного решения, и собирались действовать в зависимости от обстоятельств.

Оба войска сошлись у Абердина; Мерри расположил отряды, пришедшие с ним из Эдинбурга, в которых он был уверен, на вершине холма, а на склоне поставил в несколько рядов своих северных союзников; Хантли решительно атаковал своих соседей горцев, и после недолгого сопротивления те в беспорядке отступили. Тотчас же воины Хантли бросили копья, выхватили мечи и с кликами «Гордон! Гордон!» бросились их преследовать, решив, что уже выиграли битву, но вдруг столкнулись с армией Мерри, стоявшей подобно

стене, тем паче что благодаря длинным копьям она имела неоспоримое преимущество над противниками, вооруженными лишь клейморами.¹⁷ Настал черед отступить воинам Гордона; видя это, северные кланы остановились, сплотились и вновь ринулись в сражение, причем каждый воин, чтобы отличать своих от чужих, воткнул в шапку ветку вереска. Эта неожиданная атака решила судьбу битвы; горцы скатились с холма, подобно потоку, сметая на своем пути всех, кто пытался им оказать сопротивление. Мерри, видя, что настал момент превратить поражение в разгром, ударил всей своей конницей; толстяк Хантли, бывший в тяжелых доспехах, упал и был раздавлен копытами коней; Джон Гордон бежал, но был взят в плен, а через три дня обезглавлен в Абердине; его младшего брата, который был слишком молод, чтобы разделить с ним его судьбу, бросили в тюрьму, а спустя три года, когда ему исполнилось шестнадцать лет, казнили.

Мария участвовала в битве, а присутствие духа и храбрость, какие она при этом выказала, произвели огромное впечатление на ее диких защитников; на всем обратном пути они только и говорили, что, дескать, она заявила, что хотела бы быть мужчиной, дни проводить на коне, ночи в шатре, тело прикрывать кольчугой, а голову шлемом, носить в руке щит, а на боку меч.

Мария вступила в Эдинбург, встреченная всеобщим ликованием, так как этот поход против католика графа Хантли пользовался поддержкой эдинбуржцев, не имевших ни малейшего представления о подлинных причинах, по которым он был предпринят. Они были реформатами, граф – папистом, то есть в любом случае врагом; вот и все, что они думали. Кроме того, шотландцы и вслух, в частности при приветственных кликах, и в письменных прошениях выражали пожелание, чтобы их королева, не имевшая ребенка от Франциска II, вторично вышла замуж; Мария согласилась и, следуя благоразумным рекомендациям приближенных, решила посоветоваться относительно своего брака с Елизаветой, чьей наследницей она, как внучка Генриха VII, стала бы, если бы королева Англии умерла, не оставив потомства; к сожалению, она не всегда действовала столь осмотрительно, потому что после смерти Марии Тюдор,¹⁸ которую прозвали Марией Кровавой, предъявила претензии на трон Генриха VIII, основываясь на незаконности рождения Елизаветы,¹⁹ приняла вместе с дофином титул королей Шотландии, Англии и Ирландии, велела выбить монеты с этим новым титулом и отчеканить на своей посуде английский герб.

Елизавета была на девять лет старше Марии Стюарт, к тому времени ей не исполнилось еще и тридцати, так что она была ее соперницей не только как королева, но и как женщина. Если говорить об образовании, Елизавета без труда могла выдержать сравнение с Марией Стюарт, поскольку, не обладая способностью пленять мыслью, отличалась основательностью суждений; сведущая в политике, философии, истории, риторике, поэзии и музыке, она, кроме родного английского, великолепно говорила и писала на греческом, латыни, французском, итальянском и испанском, так что в этом смысле превосходила Марию, но та была куда красивей и стократ привлекательней. Елизавета, правда, обладала величественной и приятной внешностью, у нее были живые, блестящие глаза, поразительно белая кожа, но зато рыжие волосы, большие ноги²⁰ и крупные руки, тогда как, напротив, Мария с ее прекрасными пепельными²¹ волосами, бровями, в упрек которым единственно можно было поста-

¹⁷ *Клеймор* – шотландский палаш.

¹⁸ *Мария Тюдор* (1516–1558) – дочь Генриха VIII, королева Англии с 1553 г. Восстановила католическую религию в стране, жестоко преследовала протестантов, за что была прозвана Кровавой.

¹⁹ *Елизавета I* (1533–1603) – дочь Генриха VIII и Анны Болейн, с которой король развелся перед рождением Елизаветы, что и дало основание считать ее незаконнорожденной.

²⁰ Елизавета подарила пару своих туфель Оксфордскому университету; судя по их размеру, нога у нее была, как у мужчины среднего роста. (*Примеч. автора.*)

²¹ Многие историки утверждают, будто у Марии Стюарт были черные волосы, но Брантом, который видел ее, поскольку,

вить лишь столь правильную округлую форму, что многие считали, будто они подведены кисточкой, глазами, из которых неизменно лился пламенный поток, носом поистине греческой формы, со столь алыми и изящными устами, что, казалось, будто, подобно цветку, который открывается лишь для того, чтобы источать благоухание, они должны открываться только для произнесения сладостных слов, с белой шеей, изысканной, как у лебедя, мраморными руками, станом богини и детской ножкой являла собой настолько совершенное единство, что самый привередливый по части формы скульптор не сумел бы найти в нем никакого изъяна.

И это было подлинное и величайшее преступление Марии Стюарт: будь в ее лице или сложении какое-либо несовершенство, она не умерла бы на эшафоте.

Красота Марии стала для Елизаветы, которая никогда ее не видела и могла о ней судить только по рассказам, величайшим поводом беспокойства и ревности, каковую она даже не пыталась скрывать и постоянно выдавала расспросами и раздражением. Однажды она дружески беседовала с Джеймсом Мелвилом о деле, которое его привело к ее двору, то есть о просьбе Марии Стюарт к Елизавете оказать ей покровительство в выборе супруга; свой выбор, как казалось поначалу, английская королева остановила на графе Лестере²² и, беседуя, провела шотландского посла к себе в рабочий кабинет, где показала ему множество портретов с именами, написанными ее собственной рукой; первым в ряду был портрет графа Лестера. Так как Елизавета назвала его в качестве претендента на руку Марии Стюарт, Мелвил попросил у нее этот портрет, чтобы показать своей государыне, но Елизавета отказала, заявив, что он у нее единственный. Мелвил на это с улыбкой заметил, что, имея оригинал, она вполне может обойтись без копии, однако Елизавета ни за что не желала лишиться портрета. Когда этот небольшой спор закончился, она показала Мелвилу портрет Марии Стюарт, нежно поцеловала его и заявила, что безумно хотела бы увидеть его государыню.

— Это легко сделать, ваше величество, — ответил Мелвил. — Притворитесь, будто вы заболели и не выходите из своих покоев, а сами поезжайте инкогнито в Шотландию, как это сделал Иаков Пятый, когда отправился во Францию, желая увидеть Мадлен де Валуа, на которой впоследствии женился.

— Увы, — вздохнула Елизавета, — я была бы рада, да только это не так просто, как вам представляется. Тем не менее передайте вашей королеве, что я нежно люблю ее и желала бы, чтобы мы стали большими друзьями, чем были до сих пор.

После этого она тут же свернула на тему, которую, как было видно, уже давно хотела затронуть.

— Скажите, Мелвил, — спросила она, — моя сестра и впрямь так красива, как говорят?

— Да, она весьма красива, — отвечал Мелвил, — но я не могу дать вашему величеству представления об ее красоте, поскольку мне не с чем ее сравнить.

— Я предоставлю вам возможность сравнения, — заметила королева. — Скажите, она красивей меня?

— Вы, ваше величество, — вывернулся Мелвил, — прекрасней всех в Англии, а Мария Стюарт прекрасней всех в Шотландии.

— И все-таки, кто из нас красивей? — не отступала королева, не вполне удовлетворенная этим ловким, дипломатичным ответом.

— Вынужден признать, ваше величество, моя государыня, — сказал Мелвил.

как мы уже упоминали, сопровождал ее в Шотландию, пишет, что они были пепельными. «Произнося это, он (палач) с презрением обнажил ей голову, дабы все узрели ее седые волосы, которые она при жизни, когда они были пепельными и красивыми, не боялась ни показывать, ни прилюдно чесать и заплетать». (Примеч. автора.)

²² Роберт Дадли, граф Лестер (1531–1588) — фаворит Елизаветы. Предложить его в мужа Марии Стюарт было изощренным оскорблением.

– В таком случае она безмерно красива, – кисло заметила Елизавета. – Но зато я выше ее ростом. А скажите, каковы ее любимые развлечения.

– Охота, ваше величество, – ответил Мелвил, – верховая езда, музицирование на лютне и на клавесине.

– И что, она искусна в игре на клавесине? – осведомилась Елизавета.

– Для королевы, ваше величество, весьма искусна.

На этом беседа завершилась, но поскольку Елизавета была превосходной музыкантшей, она велела милорду Хьюсдену ввести к ней Мелвила, когда она будет сидеть за клавесином, чтобы он смог послушать ее игру, причем не подозревая, что она играет для него. И вот в тот же день Хьюсден в точном соответствии с инструкциями королевы провел посла на галерею, отделенную от покоя Елизаветы одним только занавесом, и, когда поднял его, Мелвил мог в свое удовольствие слушать королеву, которая не обернулась, пока не закончила музыкальную пьесу, сыгранную, надо сказать, с большим талантом. Заметив Мелвила, она притворилась разгневанной и даже хотела поколотить его, однако гнев ее стал понемногу утихать от комплиментов посла и совершенно прекратился, когда он признал, что Мария Стюарт уступает ей в игре на клавесине. Но этим дело не кончилось. Гордая своим успехом, Елизавета пожелала, чтобы Мелвил увидел, как она танцует. Она даже на два дня задержала вручение ему своего послания к Марии Стюарт, чтобы он смог присутствовать на балу, который она давала. В послании этом, как мы уже упоминали, высказывалось пожелание, чтобы шотландская королева вышла замуж за графа Лестера, но это предложение не могло быть принято всерьез. Лестер, не отличавшийся ко всему прочему особыми достоинствами, был слишком низкого происхождения, чтобы претендовать на руку женщины из древнего королевского рода, и Мария ответила, что такой супруг ей не подходит.

В это время при шотландском дворе произошла странная и трагическая история.

В свите французских вельмож, сопровождавших Марию Стюарт, был, как мы уже говорили, молодой дворянин Шатлар, истинный представитель дворянства той эпохи, племянник Баяра²³ по женской линии, поэт и рыцарь, талантливый и отважный; он служил маршалу Данвилю и был приближен к нему. Благодаря своему высокому положению Шатлар, пока Мария пребывала во Франции, всячески выказывал ей знаки внимания, и она не видела ничего худого в его стихотворных изъятиях чувств, бывших, кстати сказать, общепринятыми в ту эпоху, тем паче что каждый день они со всех сторон сыпались на нее, словно из рога изобилия, и рассматривала их просто как галантные поэтические декларации. Но когда влюбленность Шатлара в Марию Стюарт достигла апогея, она, как нам уже известно, вынуждена была покинуть Францию. Маршал Данвиль, который не подозревал о страсти Шатлара и, ободренный добрым отношением к нему Марии Стюарт, решил вступить в ряды соискателей, желающих наследовать Франциску II в качестве супруга Марии, последовал за несчастной изгнанницей в Шотландию; не думая найти в Шатларе соперника, он открылся ему в своих чувствах, а когда вынужден был возвратиться во Францию, оставил юного поэта при шотландской королеве, доверив ему защищать интересы своей любви. Положение доверенного лица еще более приблизило Шатлара к Марии, а поскольку он был поэтом, она относилась к нему как к собрату, и это вдохновило его дерзнуть добиться иного звания. И вот однажды вечером он прокрался в спальню Марии Стюарт и спрятался под кроватью, но когда королева начала раздеваться, комнатная собачка принялась так отчаянно лаять, что на ее лай прибежали камеристки и обнаружили спрятавшегося Шатлара.

Женщина легко прощает преступление, оправданием к которому служит любовь; Мария Стюарт была прежде всего женщиной, а уж потом королевой, и простила поэта.

²³ Баяр, Пьер Терайль, сеньор де (1473–1524) – французский военачальник, сподвижник Карла VIII, Людовика XII и Франциска I, прозванный за храбрость, верность и благородство «рыцарем без страха и упрека».

Но подобная снисходительность лишь усилила самонадеянность Шатлара; выговор, сделанный королевой, он отнес на присутствие камеристок, решив, что если бы она была одна, прощение было бы гораздо более полным, и через три недели возобновил попытку. Но на сей раз Шатлара обнаружили в шкафу, когда королева уже легла в постель, и отдали в руки стражи.

Время для подобной проделки было выбрано крайне неудачно: королева собиралась замуж, и если бы Шатлар был прощен, скандал стал бы губительным для ее репутации. За дело взялся Мерри; поняв, что только публичный процесс может спасти честь его сестры, он с такой энергией провел его, что Шатлар, обвиненный в оскорблении величества, был приговорен к смертной казни. Мария неоднократно ходатайствовала перед Мерри о высылке Шатлара во Францию, но регент объяснил ей, какие ужасные последствия произойдут, если она воспользуется своим правом помилования, так что королеве пришлось отказаться от вмешательства в дела правосудия, и Шатлар был казнен.

Взойдя на эшафот, который был возведен перед королевским дворцом, Шатлар, отказавшийся от помощи священника, стал декламировать «Оду к смерти» своего друга Ронсара и делал это с явным наслаждением, а дочитав ее, повернулся к окнам королевы и в последний раз крикнул:

– Прощай, самая красивая и самая жестокая в мире королева!

После этого он положил голову на плаху, не выказав ни малейшего раскаяния, не издав ни единой жалобы. Смерть его крайне удручила Марию, хотя она не смела скорбеть о нем.

Тем временем разошелся слух, что королева Шотландии согласна вновь выйти замуж, и сразу же появилось множество претендентов, принадлежащих к первым королевским домам Европы; среди них были эрцгерцог Карл, третий сын императора Германии; наследный принц Испании дон Карлос, тот самый, который был впоследствии казнен по приказу своего отца Филиппа II; герцог Анжуйский, будущий французский король Генрих III. Но выйти за иностранного принца означало бы отказаться от своих прав на английскую корону. Поэтому Мария Стюарт отвергла иноземных женихов и, поставив себе это в заслугу перед Елизаветой, остановила свой выбор на родственнике английской королевы Генри Стюарте, лорде Дарнли, сыне графа Леннокса.

Елизавета, не имевшая благовидного предлога воспротивиться этому браку, так как королева Шотландии выбрала себе в мужья не только англичанина, но и ее родственника, дала графу Ленноксу и его сыну дозволение отправиться в Эдинбург, предполагая, если дело примет серьезный оборот, тотчас отозвать их назад; этому повелению они не посмели бы не подчиниться, поскольку все их владения находились в Англии.

Дарнли было восемнадцать лет; он был красив, прекрасно сложен, изящен, умел изъясняться на том обворожительном языке, который был принят среди молодых вельмож при французском и английском дворах и которого Мария не слышала с тех пор, как она была изгнана в Шотландию; она прельстилась видимостью, не заметив, что под блестящей внешностью Дарнли скрывается полнейшая ничтожность, сомнительная храбрость, непостоянный и грубый характер. Следует сказать, что для успеха этого брака много постарался человек, чье влияние было столь же своеобразно, как своеобразно было его возвышение, благодаря которому он приобрел такое влияние. Мы имеем в виду Давиде Риццио.

Давиде Риццио, сыгравший столь огромную роль в жизни Марии Стюарт, чье странное и беспричинное благоволение к нему дало ее врагам сильное оружие против нее, был сыном многодетного музыканта из Турина, который, увидев явную склонность своего отпрыска к музыке, обучил его начальным основам этого искусства. В пятнадцать лет Давиде пешком отправился в Ниццу, где герцог Савойский взял его ко двору; там он поступил на службу к герцогу Морато, и тот, когда несколько лет спустя его назначили послом в Шотландию, уезжая, взял Риццио с собой. У молодого человека был прекрасный голос, он исполнял на виоле

и ребеке песни, музыку и слова к которым сочинял сам, и посол рассказал о нем Марии; она пожелала увидеть его. Самоуверенный Риццио увидел в этом желании королевы средство возвыситься, поспешил исполнить приказ, спел несколько песен и понравился ей. Она попросила его у Морато, не придав этому особого значения, как если бы попросила уступить ей породистую собаку или выученного сокола. Морато отдал его, обрадовавшись возможности оказать ей любезность, но, как только Риццио перешел в службу к Марии Стюарт, она обнаружила, что музыка отнюдь не самый главный из его талантов; он обладал если не глубокими, то, во всяком случае, разносторонними знаниями, гибким умом, живым воображением, приятными манерами и в то же время смелостью и изворотливостью. Он напомнил королеве тех итальянских артистов, которых она видела при французском дворе, говорил с нею на языке Маро и Ронсара, чьи лучшие стихи знал наизусть, и этого было более чем достаточно, чтобы снискать ее благоволение. Очень скоро он стал ее фаворитом, а когда через некоторое время освободилось место секретаря, ведающего перепиской с Францией, Риццио тут же получил его.

Дарнли, желавший любой ценой стать супругом Марии Стюарт, привлек Риццио на свою сторону, не ведая, что вовсе не нуждается в его поддержке: Мария, с первого взгляда влюбившись в Дарнли и опасаясь новых интриг со стороны Елизаветы, постаралась, насколько это допускали приличия, ускорить заключение брака; события развивались с поразительной быстротой, и, ко всеобщему ликованию и с одобрения знати, за исключением незначительного меньшинства, возглавляемого Мерри, 29 июля 1565 года при самых счастливых предзнаменованиях произошло венчание. За два дня до него Дарнли и его отец граф Леннокс получили повеление возвратиться в Лондон, и так как они не подчинились, через неделю после свадьбы графиня Леннокс, единственный член их семьи, оставшийся в пределах досягаемости Елизаветы, была арестована и заключена в Тауэр. Таким образом, несмотря на всю скрытность, Елизавета, поддавшись первому приступу гнева, который ей всегда было очень трудно сдержать, выдала свою злопамятность и враждебность.

И все-таки Елизавета была не из тех женщин, кто удовлетворяется мелкой и бесполезной мстостью; вскоре она освободила графиню Леннокс и обратила взор на Мерри, самого недовольного из всех лордов, противостоящих Марии Стюарт, так как после этого брака он утратил свое влияние на нее. Елизавете не составило большого труда подстрекнуть его к возмущению. Потерпев неудачу в первой же попытке подчинить себе Дарнли, он столкнулся с герцогом Чателротом, Гленкэрном, Аргайлом и Ротсом; собрав, сколько смогли, сторонников, они подняли открытый мятеж против королевы. То было первое явное проявление враждебности, ставшей впоследствии роковой для Марии Стюарт.

Королева воззвала к дворянству, которое немедленно откликнулось и сплотилось вокруг нее, так что к концу месяца у нее было самое лучшее войско, какое когда-либо собирал король Шотландии. Во главе этого великолепного ополчения встал Дарнли; он ехал в золоченых доспехах на прекрасном коне, рядом с ним в амазонке, с пистолетами в седельных кобурах скакала королева, решившая, чтобы не разлучаться ни на минуту, проделать вместе с ним всю кампанию. Молодые, красивые, они выступили из Эдинбурга под приветственные клики народа и армии.

Мерри и его сторонники не пытались даже оказать сопротивления, вся кампания прошла в маршах и контрмаршах, столь стремительных и сложных, что в народе этот мятеж прозвали Run about Raid, что можно перевести как «игра в салки». Мерри с мятежниками бежал в Англию, где Елизавета для вида сурово отчитала их за дерзость и безрассудство, а тайно приказала предоставлять им любую потребную поддержку.

Мария возвратилась в Эдинбург, обрадованная успехом второй проведенной ею кампании, не подозревая, что то был последний подарок судьбы и что на этом ее краткое счастье кончилось. Вскоре она убедилась, что, предавшись Дарнли, она обрела не галантного и

ласкового мужа, как надеялась, а властного и грубого тирана; не считая более необходимым притворяться перед женой, он показал себя таким, каким был на самом деле, то есть вместилищем постыдных пороков, из которых пьянство и кутежи были не самыми худшими. Вскоре между венценосными супругами начался серьезный разлад.

Женившись на Марии, Дарнли не стал королем; он был всего лишь супругом королевы. Чтобы он получил власть, хотя бы равную власти регента, Мария должна была дать согласие на предоставление ему так называемой короны соправителя, которую носил во время своего недолгого царствования Франциск II,²⁴ однако у нее из-за разладившихся взаимоотношений не было ни малейшего желания дарить Дарнли эту корону. Как он ни настаивал, какие ни придумывал предлоги, она решительно и безоговорочно отказывала. Дарнли, пораженный необъяснимой силой воли юной королевы, которая была так влюблена в него, что возвысила до себя, решил, что источник этого упорства не в ней, и стал выискивать в ее окружении тайного влиятельного советчика, вдохновляющего ее. Его подозрения пали на Риццио.

Какова бы ни была причина влияния Риццио (на этот счет не могут сказать ничего определенного самые прозорливые историки), имел ли он над нею власть как любовник, давал ли советы как министр, единственной его целью было способствовать вящей славе своей королевы. Поднявшись из самых низов, он хотел доказать, что достоин такого возвышения, и, будучи всем обязан Марии, старался своей преданностью отблагодарить ее и уплатить долг. Дарнли не ошибся: именно Риццио, отчаявшись обладать каким-либо весом при этом брачном союзе, который, как он и предвидел, оказался несчастливym, посоветовал Марии не отдавать даже малой доли власти тому, кто, получив ее самое, и так имеет больше, чем заслуживает.

Дарнли, как все слабохарактерные и необузданные люди, не верил в упорство и волю другого, ежели эта воля не подкрепляется посторонним влиянием. Поэтому он решил, что, если избавиться от Риццио, у него не будет никаких препятствий к получению короны соправителя, которой он страстно домогался. А поскольку Риццио, достигшего столь высокого положения только благодаря собственным достоинствам, ненавидело все дворянство, Дарнли не составило большого труда устроить заговор, и Джеймс Дуглас Мортон, государственный канцлер, согласился встать во главе его.

Вот уже во второй раз с начала этого повествования мы упоминаем фамилию Дуглас, которая так часто повторяется в истории Шотландии. Старшая ветвь этого рода, звавшаяся Черные Дугласы, к тому времени уже пресеклась; осталась только младшая – Рыжие Дугласы. То был древний, благородный и могущественный род, представители которого, когда угасла мужская линия наследников Роберта Брюса, оспаривали корону у первого Стюарта, а впоследствии всегда находились вблизи трона – иногда как его опора, иногда как противники, ревнуя ко всем другим сильным домам, так как любое чужое величие затеняло их, а особенно к Гамильтонам, которые были если уж не равными им, то, во всяком случае, самыми могущественными после них.

В продолжение всего царствования Иакова V, ненавидевшего Дугласов, они не только лишились своего влияния, но и были изгнаны в Англию. Причиной ненависти послужило то, что Дугласы захватили опеку над малолетним монархом и держали его в плену до пятнадцати лет. С помощью пажа Иаков V бежал из Фолкленда и добрался до Стерлинга, комендант которого был его сторонником. Прибыв в этот замок, он сразу же объявил, что всякий Дуглас, который приблизится к нему на расстояние двенадцати миль, будет считаться государственным изменником. Мало того, он добился от парламента постановления, которое обвиняло Дугласов в злоупотреблении властью и приговаривало к изгнанию; до конца жизни этого короля они пребывали в опале и возвратились к стране только после его смерти.

²⁴ Как король Шотландии в качестве супруга Марии.

Но хотя они снова были приближены к престолу и занимали благодаря влиянию Мерри, который, как мы помним, со стороны матери тоже происходил из Дугласов, самые высокие должности, они не простили дочери ненависти, какую питал к ним отец.

Вот почему Джеймс Дуглас, который был государственным канцлером и по своему положению обязан был следить за исполнением закона, встал во главе заговора, имевшего целью преступить все божеские и человеческие законы.

Первой мыслью Дугласа было поступить с Риццио, как некогда поступили с фаворитами Иакова III на Лодерском мосту, наскоро провести некое подобие суда и тут же повесить. Но такая расправа не устраивала мстительную натуру Дарнли: в лице Риццио он хотел покарать королеву и настаивал, чтобы его прикончили в ее присутствии.

К Дугласу присоединился лорд Рутвен, ленивый и распутный сибарит; он поклялся всего себя отдать этому предприятию и, если будет нужно, даже надеть панцирь и взяться за оружие, после чего стал вербовать сообщников.

Разумеется, заговор невозможно плести в полной тайне, чтобы о нем не просочились какие-то сведения, и Риццио неоднократно получал предостережения, но пренебрег ими. Среди прочих сэр Джеймс Мелвил испробовал самые разные способы, пытаясь дать Риццио понять, какие опасности подстерегают иноземца, пользующегося полнейшим доверием монарха при столь диком и завистливом дворе, как шотландский; Риццио выслушивал эти намеки с видом человека, не собирающегося принимать их к сведению, и сэр Джеймс, посчитавший, что сделал все, дабы совесть его была чиста, более не стал докучать ему предостережениями.

Затем французский священник, слывший искусным астрологом, добился, чтобы Риццио принял его, и предупредил, что звезды предвещают ему смертельную опасность, особенно же он должен остерегаться некоего бастарда. Риццио ответил, что заранее, как только государыня почтила его своим доверием, готов был заплатить жизнью за достигнутое им положение, но вообще-то он заметил, что шотландцы скоры на угрозы, но медлительны в исполнении их; ну, а что касается бастарда, каковым, несомненно, является граф Мерри, то уж он постарается, дабы тот не проник в Шотландию достаточно глубоко, чтобы иметь возможность дотянуться до него своей шпагой, разве что она окажется длиной от Дамфриса до Эдинбурга; этим самым он давал понять, что, пока он жив, Мерри будет оставаться в изгнании в Англии, так как Дамфрис был одной из пограничных крепостей.

Заговор тем временем развивался своим чередом, и Дуглас и Рутвен, собрав сообщников, послали за Дарнли, чтобы скрепить подписями договор. В качестве цены за кровавую службу, которую они сослужат королю, заговорщики потребовали добиться прощения Мерри и всем лордам, замешанным вместе с ним в «игре в салки». Дарнли согласился на все их требования, и к Мерри был послан гонец, чтобы оповестить его о затеваемом деле и предупредить, что он должен быть готов вернуться в Шотландию при получении первой же вести. Затем, когда с этим вопросом было покончено, Дарнли дали подписать грамоту, в которой он признавал, что является вдохновителем и главою заговора. Главными участниками заговора были граф Мортон, граф Рутвен, Джордж Дуглас, побочный сын Ангуса, то есть бастард, а также Линдли и Эндрю Кэрю. Остальное составляли солдаты, умевшие только убивать и не слишком даже понимавшие, в чем дело. Дарнли взялся назначить срок.

Через день после подписания соглашения Дарнли, которому сообщили, что королева находится наедине с Риццио, решил убедиться, до какой степени доходит ее благосклонность к своему министру. Он хотел войти в ее покои через потайную дверь, от которой у него был ключ, но, хотя ключ поворачивался в замке, дверь не открывалась. Тогда Дарнли стал колотить в нее и звать Марию, однако презрение ее к нему было столь велико, что она его даже не впустила в опочивальню, хотя, если и предположить, что она была наедине с Риццио, у нее было бы вполне достаточно времени, чтобы выпроводить его. Доведенный

этим происшествием до крайности, Дарнли созвал Мортону, Рутвена, Леннокса, Линдли и бастарда Дугласа и назначил убийство Риццио на послезавтра.

Только они успели обсудить все подробности и распределить, кто какую роль будет исполнять в кровавой трагедии, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге появилась Мария Стюарт.

– Милорды, – объявила она, – вы совершенно зря проводите секретные совещания. Я осведомлена о ваших кознях и, с Божьей помощью, вскоре применю свои средства.

С этими словами, прежде чем заговорщики успели прийти в себя, она закрыла дверь и исчезла, словно мимолетный, но ничего хорошего не предвещавший призрак. Все стояли, онемев. Мортон первым обрел дар слова.

– Милорды, – сказал он, – мы играем в смертельную игру, и выигрывает в ней не самый ловкий или самый сильный, но самый быстрый. Если мы не погубим этого человека, то погибнем сами. Его необходимо поразить не послезавтра, а сегодня же вечером.

Предложение поначалу встретили с энтузиазмом все, включая и Рутвена: он бледен, у него горячка, вызванная болезнью, являющейся последствием разврата, но он обещает быть в первых рядах. Но была причина, заставившая не согласиться с предложением Мортону и все-таки назначить убийство на послезавтра: по общему мнению, потребуется не меньше дня, чтобы собрать рядовых участников заговора, число которых составляет около полутораста.

В день, назначенный для убийства, а это была суббота 9 марта 1566 года, Мария Стюарт, унаследовавшая от своего отца Иакова V нелюбовь к этикету и стремление к свободе, пригласила к себе на ужин шестерых человек, среди которых был и Риццио. Дарнли, как только узнал об этом, предупредил своих сообщников и объявил, что сам проведет их во дворец между шестью и семью вечера. Те ответили, что они будут готовы.

Утро того дня было хмурое и ветреное, каким всегда бывает в Шотландии начало весны; к вечеру ветер усилился и повалил снег. Мария закрылась с Риццио, и Дарнли, неоднократно подходивший к потайной двери, слышал музыку и голос фаворита, исполнявшего те сладостные напевы, которые дожили до наших дней и которые эдинбургцы и посейчас еще приписывают ему. Эти мелодии были для Марии напоминанием о жизни во Франции, куда артисты, прибывшие в свите Екатерины Медичи, привезли отзвуки Италии, но у Дарнли они вызвали только злобу, и всякий раз, уходя, он еще больше укреплялся в принятом решении.

В назначенный час заговорщики, еще днем получившие пароль, постучались в ворота замка и были тут же беспрепятственно впущены, тем паче что сам Дарнли, закутанный в широкий плащ, встретил их и провел через потайной ход. Полторы сотни воинов бесшумно прокрались во внутренний двор, где им велели укрыться под навесами, во-первых, чтобы оберечь их от холода, а во-вторых, чтобы они не выделялись на снегу, покрывавшем землю. В этот двор выходило ярко освещенное окно кабинета королевы; по первому сигналу, поданному из него, воины должны были высадить двери и прийти на помощь руководителям заговора.

Отдав распоряжения, Дарнли провел Мортону, Рутвена, Леннокса, Линдсея, Эндрю Кэрю и бастарда Дугласа в комнату, смежную с кабинетом королевы и отделенную от нее только висящим на двери занавесом. Из нее можно было слышать все, что говорят в кабинете, и в один миг оказаться среди сотрапезников.

Дарнли оставил заговорщиков в этой комнате, велел им молчать и ворваться в кабинет, когда он крикнет: «Дуглас, ко мне!» Затем он вернулся по коридору к потайной двери, чтобы королева, увидев его входящим к ней обычным путем, не встревожилась и не заподозрила ничего худого в этом неожиданном визите.

Мария ужинала вместе со своими шестью гостями, и Риццио сидел, как сообщают де Ту и Мелвил, по правую руку от нее, меж тем как Кэмпдан утверждает, будто он ел, стоя у буфета. Шел веселый, непринужденный разговор, естественный, когда сидишь за роскошным столом, в тепле, укрытый от непогоды, а за окном снег липнет к стеклам и в трубах завывает ветер. И вдруг Мария, удивленная внезапной тишиной, сменившей жизнерадостную, оживленную беседу, которую вели ее гости в продолжение всего ужина, и догадавшаяся по направлению их взглядов, что причина их тревоги находится у нее за спиной, обернулась и увидела Дарнли; он стоял, опершись на спинку ее кресла. Королева вздрогнула: хотя на губах ее мужа играла улыбка, но стоило ему взглянуть на Риццио, эта улыбка менялась и делалась столь странной, что становилось ясно: сейчас произойдет нечто ужасное. И в тот же миг она услышала в соседней комнате тяжелые медлительные шаги, приближающиеся к кабинету; занавес откинулся, и на пороге появился бледный, как привидение, лорд Рутвен в доспехах, тяжесть которых он едва нес на себе; вытащив меч, он молча оперся на него. Королева решила, что у него горячка.

– Что вам угодно, милорд? – удивилась она. – Почему вы вошли во дворец так вооруженным?

– Спросите об этом у короля, ваше величество, – глухо произнес Рутвен. – Он вам ответит.

– Объясните же, милорд, – обратилась королева к Дарнли. – Что означает это полное забвение приличий?

– Это означает, ваше величество, что этот человек, – и Дарнли указал пальцем на Риццио, – сей же миг выйдет отсюда.

– Он – мой слуга, милорд, – встав, надменно произнесла Мария, – а значит, приказание получает только от меня.

– Ко мне, Дуглас! – крикнул Дарнли.

Заговорщики, знавшие непостоянство характера Дарнли и опасавшиеся, что он не решится подать сигнал и позвать их, уже сгрудились позади Рутвена; стоило прозвучать призыву, они с такой стремительностью ринулись в кабинет, что опрокинули стол. Давиде Риццио, поняв, что они пришли за его головой, упал на колени, прячась за королевой, и вцепился в подол ее платья, крича по-итальянски: «Giustizia! Giustizia!»²⁵ Королеву с ее решительным характером не испугало это вторжение, она величественно встала перед Риццио, загородив его. Однако она ошибалась, рассчитывая на почтение своей знати, привыкшей в течение пяти веков сражаться с собственными королями. Эндрью Кэрю приставил ей к груди кинжал и пригрозил убить, ежели она и дальше будет защищать того, чья смерть уже предрешена. И тут Дарнли, невзирая на то, что королева была беременна, схватил ее и оттащил от Риццио, который, бледный и дрожащий, продолжал все так же стоять на коленях, а Дуглас, подтверждая предсказание астролога, посоветовавшего Риццио опасаться некоего бастарда, вырвал из ножен короля кинжал и вонзил его в грудь итальянца. Тот рухнул на пол, раненный, но еще живой. Мортон взял его за ноги и поволок из кабинета в соседнюю комнату, оставляя на полу длинный кровавый след, который еще и ныне показывают в замке; там все набросились на Риццио, словно собаки на добычу, ожесточенно нанося ему удары кинжалами: на его труп насчитали пятьдесят шесть ран. Все это время Дарнли продолжал держать королеву, которая, надеясь, что Риццио еще жив, кричала и просила пощадить его. Наконец появился Рутвен, еще сильнее побледневший, и на вопрос Дарнли, покончили ли с Риццио, утвердительно кивнул головой. Еще не вполне выздоровев, он чувствовал страшную слабость и опустился в кресло, хотя королева, которую наконец-то отпустил Дарнли, продолжала стоять. Такого Мария Стюарт не могла стерпеть.

²⁵ Справедливости! Справедливости! (*ит.*).

– Милорд! – воскликнула она. – Вы осмелились сесть при мне! Как прикажете понимать подобную наглость?

– Ваше величество, – объяснил Рутвен, – мое поведение объясняется не наглостью, но слабостью: дабы послужить вашему супругу, мне пришлось предпринять усилия, превышающие те, что позволяют мои врачи.

После этого он повернулся к слуге и бросил:

– Поддай-ка мне бокал, – и прежде чем вложить в ножны свой окровавленный кинжал, показал его Дарнли, промолвив: – А вот доказательство, что я заслужил глоток вина.

Слуга исполнил приказ, и Рутвен осушил бокал с полнейшей безмятежностью, словно только что совершил некий невинный поступок.

– Милорд! – сказала королева, подойдя к Рутвену. – Возможно, несмотря на пламенное мое желание, мне никогда не удастся поквитаться с вами за то, что вы содеяли, поскольку я женщина, но тот, кого я ношу здесь, – и она величественным жестом прикоснулась к своему животу, – чью жизнь вы обязаны чтить, раз уж не можете чтить мое величество, однажды отомстит за все оскорбления, нанесенные мне.

Произнеся это, она с гордым и угрожающим видом удалилась через потайную дверь и закрыла ее за собой.

В этот миг в комнате королевы послышался грохот. Хантли, Атол и Босуэл, который, как мы увидим, будет играть крайне важную роль в продолжении нашей истории, вместе ужинали в дворцовой передней и вдруг услышали крики и звон оружия; они тотчас же бросились на шум; Атол, бежавший первым, споткнулся о труп, валявшийся на площадке, и они, не зная, что это труп Риццио, и решив, что какие-то злоумышленники покушаются на жизнь короля и королевы, выхватили шпаги и кинулись штурмовать двери, которые охранял Мортон. Дарнли, сообразив, что может сейчас произойти, выскочил вместе с Рутвеном из кабинета и обратился к прибежавшим дворьянам:

– Милорды, нам с королевой ничто не угрожает, а то, что здесь произошло, сделано по нашему приказу. Посему удалитесь. Все, что необходимо, вы узнаете в свое время. Ну, а что до этого, – промолвил он, приподняв мертвую голову Риццио за волосы, меж тем как бастард Дуглас держал факел, освещая лицо убитого, чтобы его можно было узнать, – то сами видите, кто он. Вряд ли стоит из-за него ввязываться в скверную историю.

Действительно, едва Хантли, Атол и Босуэл узнали музыканта, они тут же вложили шпаги в ножны и ушли.

Мария Стюарт, удалившись, думала только о мести. Но она понимала, что не может разом отомстить и мужу, и его сообщникам, и потому применила все чары души и красоты, чтобы оторвать короля от них. Это оказалось совсем нетрудно: когда звериная ярость, нередко завожившая Дарнли за всякие границы, утихла, он сам ужаснулся содеянному преступлению, и пока остальные заговорщики, соединившись с Мерри, обсуждали, как представить супругу королевы вожденную корону соправителя, Дарнли, столь же легкомысленный, сколь и неистовый, столь же малодушный, сколь и жестокий, подписывал с Марией в той же самой комнате, где на полу еще не высохла кровь убитого, новый договор, по которому обязывался предать своих сообщников. Спустя три дня после описанного нами события убийцы были потрясены поразительной новостью: Дарнли и Мария, сопровождаемые лордом Сейтоном, бежали из дворца Холируд. А еще через три дня выходит воззвание, подписанное Марией Стюарт в Данбаре, в котором она от своего имени и от имени короля призывает к себе всех дворян и баронов Шотландии, включая и тех, кто был замешан в «игре в салки», причем не только дарует им полное и всецелое прощение, но и возвращает свою милость. Тем самым она отделяла дело Мерри от дела Мортон и остальных убийц, которые, видя, что Шотландия стала для них небезопасна, в свой черед бежали в Англию, где всякий враг королевы мог быть уверен, что найдет добрый прием, невзирая на видимость

самых наилучших отношений между Марией и Елизаветой. Что же касается Босуэла, намеревавшегося воспрепятствовать убийству, он был назначен лордом-хранителем всех рубежей королевства.

К несчастью, Мария, которая всегда была более женщина, нежели королева, в отличие от Елизаветы, бывшей прежде всего королевой, а уж потом женщиной, первым делом приказала перезахоронить Риццио; он был наскоро зарыт возле церкви, что находилась ближе всего к Холируду, она же повелела перенести его прах в усыпальницу шотландских королей и этим актом, этими почестями, воздаваемыми мертвому, нанесла своей чести урон куда больший, чем милостями, которыми осыпала его при жизни.

Столь откровенная демонстрация отношения Марии к убитому привела, разумеется, к новым ссорам с Дарнли, и ссоры эти обостряло еще и то, что примирение супругов, как можно понять, было притворным, по крайней мере, со стороны королевы; понимая, что беременность дает ей огромное преимущество, она отбросила всякую сдержанность, оставила Дарнли и переселилась из Данбара в Эдинбургский замок, где 19 июня 1566 года, то есть через три месяца после убийства Риццио, родила сына, который впоследствии стал королем Иаковом VI.

Разрешившись от бремени, Мария призвала Джеймса Мелвила, своего дипломатического агента у Елизаветы, и велела отвезти эту весть английской королеве, а также попросить ее стать крестной матерью царственного младенца. Прибыв в Лондон, Мелвил тотчас же отправился во дворец, но при дворе был бал, потому он не смог увидеть королеву и ограничился тем, что сообщил министру Сесилу²⁶ причину своего приезда и попросил исплотать для него аудиенцию на завтра. Елизавета как раз танцевала в кадрили, когда Сесил, приблизясь к ней, шепнул:

– Королева Мария Шотландская родила сына.

От этих слов Елизавета страшно побледнела и обвела зал помутившимся взглядом: казалось, сознание вот-вот покинет ее; она вцепилась в кресло, однако, чувствуя, что ноги ее не держат, села, откинулась головой на спинку и погрузилась в горестные раздумья. Одна из придворных дам, крайне обеспокоенная ее видом, прорвала круг, образовавшийся около королевы, и встревоженно спросила, какие печальные мысли овладели ее величеством.

– Ах, миледи, – порывисто воскликнула Елизавета, – неужто вы не знаете, что Мария Стюарт родила сына? А я, я – бесплодный пень, что умрет, не дав побега!

И все же Елизавета была слишком хорошим политиком, чтобы позволить себе, несмотря на легкость, с какой она поддавалась первому душевному движению, осрамиться продолжительным проявлением отчаяния. Бал продолжался, прерванная кадрили возобновилась и была станцована.

На следующий день Мелвил получил аудиенцию. Елизавета великолепно приняла его, заверила, что новость, которую он привез, доставила ей живейшее удовольствие и, мало того, исцелила от болезни, уже две недели ей докучавшей. Мелвил отвечал, что его государыня поспешила поделиться с английской королевой своей радостью, так как она знает, что у нее нет лучшего друга, но добавил, что эта радость едва не стоила Марии жизни: роды были чрезвычайно тяжелые. Когда он в третий раз заговорил о тяжести родов, имея в виду усилить отвращение королевы Англии к замужеству, та заметила ему:

– Успокойтесь, Мелвил, и перестаньте упираться на это: я никогда не выйду замуж. Мое королевство заменяет мне мужа, а мои подданные – детей. А когда я умру, я хочу, чтобы на моей могиле была выбита следующая надпись: «Здесь покоится Елизавета. Она царствовала столько-то лет и умерла девственницей».

²⁶ Сесил, Уильям (1520–1598) – один из сподвижников Елизаветы, с 1558 г. бессменный государственный секретарь.

Мелвил воспользовался возможностью, чтобы напомнить Елизавете о высказанном ею года три-четыре назад желании увидеть Марию Стюарт, но Елизавета ответила, что, кроме дел по управлению королевством, которые требуют ее присутствия в столице, она после всего, что слышала о красоте соперницы, не склонна подвергать свою гордость подобному испытанию. Поэтому она послала на крестины своего представителя графа Бедфорда, который с огромной свитой прибыл в замок Стерлинг, где новорожденный принц был с великой пышностью крещен и наречен именем Карл Иаков.

Все обратили внимание на то, что Дарнли не было на этой церемонии и что его отсутствие шокировало посланца английской королевы. Зато Джеймс Хэпберн граф Босуэл стоял в первом ряду.

С того вечера, когда Босуэл прибежал на крики Марии, чтобы помешать убийству Рицци, он весьма продвинулся в милостях королевы, сторону которой открыто держал, в отличие от двух своих товарищей, которые принадлежали к партии короля и Мерри. Босуэлу в ту пору было уже тридцать пять лет, он был главой сильного рода Хэпбернов, пользующегося большим влиянием в Восточном Лотиане и графстве Берик; в остальном человек он был порывистый, грубый, склонный ко всевозможным порокам, способный на все ради удовлетворения своего тщеславия, чего он, впрочем, даже не пытался скрывать. В юности слыл храбрецом, но уже давно у него не было серьезного повода обнажить меч.

Если влияние Рицци подорвало власть короля, то с появлением Босуэла Дарнли совершенно лишился ее. Знать, следуя примеру фаворита, уже не вставала при появлении Дарнли и мало-помалу даже перестала относиться к нему как к равному; его свита сократилась, у него отняли серебряную посуду, а немногие оставшиеся при нем слуги не скрывали своего неудовольствия, вынуждая его задабривать их и покупать их услуги. Что же до королевы, то она даже не давала себе труда скрывать свое отвращение к нему, нарочито его избегала, и дело дошло до того, что однажды, когда она прибыла с Босуэлом в Олуэй и к ним там присоединился Дарнли, Мария тотчас же уехала оттуда; тем не менее король все это терпеливо сносил, пока новая безрассудная выходка Марии не привела наконец к ужасной катастрофе, которую, впрочем, многие, с тех пор как королева вступила в связь с Босуэлом, давно уже предвидели.

В конце октября 1566 года королева присутствовала на заседании суда в Джедборо, и тут ей сообщили, что Босуэл пытался захватить разбойника по имени Джон Эллиот из Парка и был при этом тяжело ранен в руку; Мария, только что приехавшая, тут же прервала заседание, перенесла его на завтра, приказала оседлать себе коня и поскакала в замок Эрмитаж, где жил Босуэл, причем весь путь, все двадцать миль, проделала, не слезая с седла, а дорога проходила по лесам и болотам, и нужно было переправляться через реки; пробыв наедине с Босуэлом несколько часов, она в столь же стремительном темпе возвратилась в Джедборо, куда прибыла глубокой ночью.

Хотя эта выходка наделала много шума, который особо подогревали враги королевы, принадлежавшие в большинстве своем к протестантской религии, Дарнли узнал о ней только спустя два месяца, то есть когда окончательно выздоровевший Босуэл вернулся вместе с Марией Стюарт в Эдинбург.

Дарнли решил, что более нельзя терпеть подобные унижения. Но после того как он предал своих сообщников, в целой Шотландии не нашлось бы ни одного дворянина, который согласился бы ради него извлечь шпагу из ножен, и тогда Дарнли задумал отправиться к своему отцу графу Ленноксу, надеясь, что благодаря его влиянию ему удастся объединить вокруг себя всех недовольных, которых, с тех пор как Босуэл вошел в фавор, набралось немалое число. К несчастью, опрометчивый и болтливый Дарнли сообщил об этом плане нескольким слугам, которые тут же оповестили Босуэла о намерениях своего господина. Внешне Босуэл ничем не препятствовал Дарнли, однако едва тот отъехал на милю от Эдин-

бурга, как стал ощущать мучительные боли; тем не менее он продолжил путешествие и совершенно больной прибыл в Глазго. К нему тотчас привели знаменитого врача Джеймса Эйбренетса, который, обнаружив, что тело короля покрыто гнойниками, объявил безо всяких колебаний, что тот отравлен. Между тем многие, и в том числе Вальтер Скотт, утверждают, что у него была просто-напросто оспа.

Как бы то ни было, королева, узнав об опасности, грозящей супругу, казалось, забыла о своей неприязни к нему и, невзирая на риск заразиться, отправилась к Дарнли в Глазго, предварительно послав туда своего врача. Правда, если верить нижеприведенным письмам, которые написаны Марией Стюарт в Глазго и, как утверждают ее обвинители, адресованы Босуэлу, она прекрасно знала, чем болен ее муж, чтобы не опасаться заражения. Поскольку письма эти мало кому известны и представляются нам весьма любопытными, мы воспроизводим их; позже мы объясним, как они попали в руки мятежных лордов, а от тех перешли к Елизавете, которая, получив их, радостно воскликнула: «Будь я проклята, но наконец-то ее жизнь и судьба у меня в руках!»

Письмо первое

«Когда я уехала оттуда, где оставила свое сердце, то была в таком состоянии, что являла собой тело без души, и весь обед никому словечка ни молвила, и никто не осмеливался приблизиться ко мне, потому что было очевидно: добром для него это не кончится. Граф Леннокс, когда я подъехала к городу на расстояние двух миль, выслал мне навстречу одного из своих дворян, дабы приветствовать меня от его имени и принести извинения, что он не приехал самолично; надобно сказать, впрочем, что после выговора, который я сделала Каннингему, граф не решается показываться мне на глаза. Дворянин этот просил меня, якобы по собственному почину, вникнуть в поведение его господина, дабы установить, обоснованны ли мои подозрения. На это я ему ответила, что страх – болезнь неизлечимая, что граф Леннокс не беспокоился бы так, будь его совесть чиста, и что это было справедливое возмездие за письмо, которое он мне написал.

Никто из горожан не сделал мне визита, и это заставляет меня думать, что все они держат руку графа и его сына; впрочем, о том они весьма ясно и определенно высказываются. Король вчера присылал к Джоашену и спрашивал, почему я не поселилась с ним, и добавил, что мое присутствие скорее бы исцелило его, а у меня интересовался, с какой целью я приехала, не для того ли, чтобы помириться с ним; спрашивал, здесь ли вы, не расширила ли я штаты своего двора, взяла ли Париса и Гилберта в секретари и не изменила ли решения спровадить Джозефа. Не знаю, откуда у него такие верные сведения. Ему известно все, вплоть даже до свадьбы Себастьяна. Я попросила у него объяснений по поводу одного из его писем, в котором он жалуется на жестокость некоторых особ. Он ответил мне, что был уязвлен, но мое присутствие принесло ему такое счастье, что он боялся даже умереть от его призыва. Несколько раз он упрекнул меня, так как счел меня рассеянной; я покинула его, дабы пойти отужинать, он умолял меня вернуться, и я вернулась после ужина. Он рассказал мне про свою болезнь и сообщил, что уже собирался составить духовную и все отказать мне, добавив, что я в некоторой степени была причиной его болезни и свой недуг он приписывает моему охлаждению к нему.

– Вы спрашиваете меня, – продолжал он, – кто те люди, на коих я жалуюсь. На вас, жестокая, на вас, которую я так и не смог смягчить ни слезами, ни раскаянием. Я знаю, что оскорбил вас, но не тем, в чем вы меня упрекаете; я ведь оскорбил и некоторых ваших подданных, но за это вы меня простили. Я молод, и вы говорите, что я вечно совершаю одни и те же проступки. Но разве молодой человек, подобный мне, не имеющий опыта, не может получить его, научиться держать свои обещания, раскаяться, наконец, и со временем испра-

виться? Если вы согласитесь еще раз простить меня, клянусь никогда более не оскорблять вас. Жить вместе как муж и жена, иметь общий стол и общее ложе, – вот единственная милость, которой я прошу у вас, и ежели вы останетесь непреклонны, я никогда не оправлюсь от недуга. Умоляю, скажите, что вы решили. Только Богу одному ведомо, как я страдаю, а все потому, что думаю лишь о вас, ибо люблю и обожаю вас одну. Если я вас иногда и оскорблял, то виной тому вы сами, потому как ежели меня кто-то обижал и я мог пожаловаться на него вам, то никому другому свои скорби мне не было нужды доверять, но когда мы в ссоре, я принужден таить их в себе, и оттого становлюсь как бешеный.

Потом он весьма настаивал, чтобы я осталась жить у него в доме, но я отказалась и ответила, что ему нужно выздороветь и что в Глазго ему не слишком удобно; тогда он мне сказал, что знает про носилки, которые я приказала привезти для него и что предпочитает уехать со мной. Мне кажется, он думает, будто я намерена заключить его в тюрьму; я же сообщила ему, что прикажу перевезти его в Крейгмиллер, где у него будут врачи, и что я буду рядом с ним и у нас будет возможность видеть моего сына. Он ответил, что готов поехать, куда я скажу, лишь бы только я согласилась исполнить то, что он просит. Впрочем, он не желает никого видеть.

Он наговорил мне много приятного, такого, что я не могу вам повторить, но чем вы были бы весьма удивлены, не желал отпускать меня и хотел, чтобы я была с ним всю ночь. Я делала вид, что всему верю, и изображала, будто действительно заинтересована в нем. Впрочем, никогда еще я не видела его таким ничтожным и смиренным, и если бы не знала, сколь скоро его сердце на излияния и сколь мое сердце непроницаемо для любых стрел, кроме той, которой поразили его вы, то, думаю, легко могла бы смягчиться его словами; но пусть это вас не тревожит, я скорей умру, нежели откажусь от того, что пообещала вам. Вы же подумайте, как держаться с теми коварными, что приложат все усилия, дабы отдалить вас от меня; уверена, все эти люди сделаны из того же теста; а у этого вечно глаза на мокром месте, он заискивает перед всеми от самых великих до самых малых, желая склонить их на свою сторону и заставить пожалеть его. У его отца сегодня шла кровь носом и горлом; судите сами, что значат подобные симптомы; я его еще пока не видела, потому как он не выходит из дому. Король требует, чтобы я собственноручно кормила его, а иначе отказывается есть, но хоть я и исполняю это его желание, пусть это вас не вводит в заблуждение, как не заблуждаюсь на этот счет и я. Мы с вами оба связаны с ненавистными нам людьми;²⁷ так пусть же ад разорвет эти узы, а небо соединит нас новыми, чудесными, сделав нас самыми любящими и самыми верными супругами, которые когда-либо существовали на свете; таков мой символ веры, в которой я желаю умереть.

Простите мне мой почерк; хотелось бы, чтобы вы разобрали хотя бы половину из того, что я написала, но тут ничего поделать я не могу. Мне приходится писать наспех, пока все спят, но успокойтесь: от своей бессонницы я получаю безмерное наслаждение, поскольку не могу спать, как остальные, если не засыпаю так, как хочу, то есть в ваших объятиях.

А сейчас я ложусь в постель, письмо закончу завтра; мне еще столько нужно вам сообщить, а уже поздняя ночь; судите сами, как я устала. Я пишу вам, беседую с вами, но приходится заканчивать...

И все же не могу остановиться и не заполнить наскоро оставшуюся бумагу. Будь проклят безмозглый мальчишка, так терзающий меня! Не будь его, я могла бы поговорить с вами о вещах стократ более приятных; он очень мало изменился, и при всем при том изменился весьма изрядно. Кстати, он меня почти уморил своим зловонным дыханием, оно у него теперь еще зловонней, чем у вашего кузена; можете поверить, что это еще одна причина

²⁷ Мария имеет в виду жену Босуэлла, урожденную Хантли, с которой он после смерти короля развелся, чтобы жениться на королеве. (Примеч. автора.)

для меня не приближаться к нему; я держусь от него как можно дальше и сижу на стуле в ногах его кровати.

Посмотрим, не забыла ли я чего.
Посланец, отправленный его отцом навстречу мне;
Расспросы насчет Джоашена;
Насчет штата моего двора;
О людях из моей свиты;
Причина моего приезда;
Джозеф;
Разговор между ним и мною;
Его желание улестить меня и его раскаяние;
Объяснение насчет его письма;
Льюингстон.

Ах, про это-то я забыла. Вчера за ужином Льюингстон тихонько сказал де Пер, чтобы она выпила за здоровье того, кого я прекрасно знаю, и попросила меня оказать честь присоединиться к этому тосту. А после ужина, когда у камина я оперлась на его руку, сказал мне:

– Не правда ли, это весьма приятные визиты для тех, кто их делает, и тех, кто их принимает. И все же, сколь бы ни были рады они вашему приезду, подозреваю, что радость их куда меньше огорчения, которое вы причинили тому, кого оставили сейчас в одиночестве и кто не будет счастлив, пока не увидит вас вновь.

Я спросила, кого он имеет в виду. Он же, пожав мне руку, ответил:

– Одного из тех, кто не сопровождает вас. Вам будет нетрудно догадаться, кого из них я имею в виду.

До двух часов я работала над браслетом; в него я вложила ключик, привязанный двумя шнурками; браслет вышел не настолько хорош, как мне хотелось бы, но у меня не было времени сделать лучше; при первой возможности я сделаю вам другой, красивее этого. Смотрите, чтобы никто его у вас не увидел: я делала его при всех, и вдруг кто-нибудь ненароком его опознает.

Все время я невольно возвращаюсь мыслями к страшному покушению, на котором вы настаиваете. Вы принуждаете меня скрывать свои чувства, а главное, принуждаете к предательству, от которого меня бросает в дрожь; поверьте, я предпочла бы лучше умереть, чем совершить такое, потому что от этого сердце у меня кровью изойдет. Он отказывается ехать со мной, если я не пообещаю ему иметь с ним, как прежде, общий стол и общее ложе и не покидать его так часто. Если я соглашусь, то он говорит, что сделает все, что я пожелаю, и поедет со мной куда угодно; тем не менее он попросил меня отсрочить мой отъезд на два дня. Я притворилась, будто согласна на все его условия, но велела ему никому не рассказывать про наше примирение, якобы из опасения, как бы оно не вызвало неудовольствия у некоторых лордов. Короче, я увезу его, куда захочу... Увы, я никого никогда не обманывала, но чего не сделаешь, чтобы угодить вам. Приказывайте, я исполню все, и пусть будет, что будет. Но посмотрите, нельзя ли придумать какое-нибудь тайное средство под видом лекарства. В Крэйгмиллере он должен будет очищаться и принимать ванны, так что несколько дней не будет выходить. Всякий раз, когда я его вижу, он очень обеспокоен, но тем не менее верит всему, что я ему говорю; правда, в своей доверии ко мне до откровенности он не доходит. Если хотите, я все ему открою; мне страшно неприятно обманывать человека, который мне доверяется. Впрочем, все будет так, как вы захотите, только не презирайте меня за это. Вы мне дали такой совет, а сама я в своей мести никогда бы не зашла столь далеко. Иногда он попадает мне в больное место и весьма чувствительно задел меня, когда заявил, что ему прекрасно известны все его преступления, но ежедневно совершаются куда более тяжкие и виновники пытаются их скрыть, но безуспешно, потому что любое преступление, какое бы

оно ни было, маленькое или большое, становится известно людям и оказывается предметом их разговоров. А как-то, говоря о г-же де Пер, он сказал: «Желаю, чтобы ее услуги пошли вам на пользу». Он заверил меня, что многие, и он сам в том числе, считают, что я была невольна в своих действиях и именно поэтому отвергла условия, которые он мне предложил. Наконец, совершенно очевидно, что он весьма обеспокоен по известной вам причине и даже подозревает, что на жизнь его покушаются. Всякий раз, когда разговор переходит на вас, Летигтона или моего брата, он впадает в отчаяние. Впрочем, об отсутствующих он не говорит ни плохо, ни хорошо, а просто избегает этих разговоров. Отец его все так же сидит дома, я его еще не видела. Гамильтоны здесь в огромном количестве и сопровождают меня повсюду; все же его друзья сопровождают меня всякий раз, когда я еду повидаться с ним. Он просил меня быть у него завтра, когда он проснется. Остальное вам расскажет мой гонец.

Сожгите мое письмо, его опасно хранить. К тому же оно и не стоит того, поскольку в нем сплошь черные мысли.

И не сердитесь, что я так невесела и встревожена; отныне, чтобы угодить вам, я переступаю через честь, угрызения совести и опасности. Не истолковывайте дурно то, что я вам тут написала, и не слушайте коварные нашептывания брата и жены; это все хитроумная ложь, и вы должны понимать, что вся она направлена во вред самой верной и самой нежной возлюбленной, какая когда-либо существовала. Главное, не позволяйте этой женщине смягчить вас, ее притворные слезы ничто в сравнении с подлинными, которые проливаю я, и с теми муками, что я терплю в своей любви и верности, ради того, чтобы занять ее место; только ради этого я предаю, наперекор себе, всех, кто мог бы помешать моей любви. Господь будет милостив ко мне и ниспошлет вам все блага, каких вам желает смиренная и любящая подруга, ожидающая вскорости от вас иной награды. Уже очень поздно, но, когда я пишу вам, мне всегда страшно жаль откладывать перо, и все-таки я закончу его лишь тогда, когда смогу поцеловать вам руки. Простите, что оно так скверно написано, но, может быть, я это делала нарочно, чтобы заставить вас несколько раз перечитать его. Я наспех переписала то, что было у меня в записных книжках, и бумага у меня кончается. Помните же о нежной подруге и чаще пишите ей; любите меня столь же нежно, сколь я люблю вас, и не забывайте

о словах г-жи де Пер;
об англичанах;
о его матери;
о графе Аргайле;
о графе Босуэле;
о приюте в Эдинбурге».

Письмо второе

«Похоже, за время разлуки вы забыли меня, хотя при отъезде обещали самым подробным образом оповещать обо всем, что происходит нового. Надежда получить от вас весточку наполняет меня почти такой же радостью, как если бы мне сказали, что вы приезжаете, но вы все отодвигаете свой приезд на гораздо поздний срок, чем обещали мне. Ну, а я, хоть вы мне не пишете, продолжаю играть свою роль. В понедельник я перевезу его в Крэйгмиллер, и там он пробудет всю среду. А я в этот день поеду в Эдинбург, чтобы мне пустили кровь, если только вы не распорядитесь иначе. Он куда веселей, чем обычно, и чувствует себя много лучше, чем прежде. Передо мной он всячески разливается, дабы уверить, будто любит меня, оказывает тысячи знаков внимания, угадывает все мои желания; мне это до того приятно, что стоит мне прийти к нему, как у меня снова начинается колотье в боку; вот до чего мне тягостно его общество. Если Парис привезет мне все, что я просила, я очень скоро вылечусь. Ежели вы еще не вернетесь, когда я буду в известном вам месте, напишите, ради Бога, и

сообщите, что вы хотите, чтобы я сделала, потому как, если вы с осторожностью не поведете дела, я предвижу, что все бремя падет на меня; основательно все обдумайте и взвесьте. Отправляю вам это письмо с Бентоном, который поедет в день, назначенный Балфуру. Мне остается лишь просить вас оповещать меня о вашем путешествии.

Глазго, в субботу утром».

Письмо третье

«Я задержалась в известном вам месте дольше, чем предполагала, но сделала это, чтобы вытянуть из него одну вещь, о которой вам расскажет доставивший эти подарки; появился прекрасный повод продвинуть наши планы, я пообещала ему привести завтра известное вам лицо. Позаботьтесь об остальном, если мое предложение вам нравится. Увы, мне так не хватает наших переговоров, но вы ведь запретили мне вам писать и слать гонцов. Впрочем, я вовсе не имею намерения задеть вас; если бы вы знали, какие меня мучают страхи, вы не были бы так недоверчивы и подозрительны. Но для меня и они благо, потому как я убеждена, что их причина – любовь, единственное, что я чту из всего сущего под небом.

Мои чувства и благодеяния для меня верная порука этой любви и порука за ваше сердце, но, умоляю, объяснитесь и откройте мне свою душу; иначе по причине моей несчастной звезды и влияния светил, благоприятных для женщин, не столь верных и нежных, я начну опасаться, уж не оказалась ли я вытесненной из вашего сердца, как некогда Медея из сердца Ясона; нет, я вовсе не хочу сравнить вас со столь несчастным любовником, как Ясон, а себя уподобить чудовищу, каким была Медея, хотя вы имеете на меня достаточно влияния, чтобы я стала сходна с нею всякий раз, когда того требует наша любовь и когда мне нужно сохранить ваше сердце, которое принадлежит мне и только мне, ибо я считаю принадлежащим мне то, что я приобрела нежной и верной любовью, какой я пылаю к вам, любовью, что сейчас еще пламенней, чем когда-либо, и которая кончится только с моей жизнью; эта любовь заставила меня презреть опасности и угрызения совести, что станут ее печальными последствиями. А в уплату за эту жертву я прошу у вас одной-единственной милости: чтобы вы вспомнили про одно местечко неподалеку отсюда; я не требую, чтобы вы завтра же исполнили свое обещание, но хочу видеть вас, дабы рассеять ваши подозрения. Я молю у Бога только одного: чтобы он научил вас читать в моем сердце, которое принадлежит не столько мне, сколько вам, и чтобы он уберег вас от всяких бед, по крайней мере, пока я живу; жизнь моя дорога мне, лишь пока она дорога вам и пока я вам нравлюсь. Мне пора отправляться в постель; прощайте и пришлите мне завтра утром весточку, ибо мне не будет покоя, пока я не получу ее. Подобная птице, вылетевшей из клетки, или горлице, потерявшей своего дружка, я буду оплакивать нашу разлуку, как бы кратка она ни была. Это письмо стократ счастливей меня; оно уже вечером будет там, где мне быть нельзя, если только гонец не застанет вас, чего я боюсь, спящим. Я не решилась писать его при Джозефе, Себастьяне и Джошуа: начала, но пришлось отложить».

Ежели признать эти письма подлинными, из них следует одно: Мария испытывала к Босуэлу безумную страсть, которая у женщин тем сильнее, чем трудней понять, что же могло ее внушить; Босуэл был не молод, отнюдь не красавец, и тем не менее Мария ради него пожертвовала молодым супругом, который считался одним из самых красивых мужчин своего времени. Это смахивало на колдовство.

Таким образом, Дарнли, единственное препятствие для соединения влюбленных, уже давно был приговорен, если не Марией, то, во всяком случае, Босуэлом, а поскольку благодаря крепости организма он победил яд, нашли другой способ избавиться от него.

Королева, как она сообщила в письме Босуэлу, отказалась взять с собою Дарнли и одна вернулась в Эдинбург. Прибыв туда, она приказала перенести короля в носилках, но не в Стерлинг или Холируд, а определила ему местопребыванием аббатство в предместье. Узнав про это распоряжение, король попытался протестовать, но, так как никакой возможности сопротивляться у него не было, покорился, хотя и жаловался на уединенность назначенного ему жилья; королева же отвечала, что не может принять его ни в Холируде, ни в Стерлинге, поскольку боится, что его болезнь заразна и может передаться сыну; Дарнли ничего не оставалось, как смириться.

Аббатство и впрямь было уединенное, и его местоположение отнюдь не развеяло страхов короля: оно соседствовало с двумя разрушенными церквями и двумя кладбищами, а единственный дом, стоящий на расстоянии полета стрелы из арбалета, принадлежал Гамильтонам, а поскольку они были смертельными врагами Дарнли, это отнюдь не придало ему спокойствия; дальше к северу находилось несколько жалких домишек, которые назывались Воровская слободка. Обходя свою новую обитель, Дарнли обнаружил в стенах два пролома, достаточно больших, чтобы сквозь них мог пролезть человек; он потребовал заложить эти дыры, так как через них может проникнуть любой злоумышленник, ему пообещали прислать каменщиков, однако не прислали, и проломы остались, как были.

На следующий день после приезда в Керкфилд король заметил в соседнем доме, который он считал пустым, свет, утром поинтересовался у Александра Дархема, кто там живет, и услышал, что архиепископ Сент-Эндрю по неизвестной причине оставил свой эдинбургский дворец и вчера поселился здесь; это известие еще более усилило тревогу короля: архиепископ не скрывал своей враждебности к нему.

Король, которого постепенно покинули все слуги, жил на втором этаже этого уединенного дома с единственным лакеем, уже упомянутым нами Александром Дархемом. Дарнли питал к нему особое расположение, а кроме того, он, как мы уже говорили, все время боялся покушения на свою жизнь и потому велел Дархему перенести свою постель к нему в комнату, так что спали они вместе.

В ночь на восьмое февраля Дарнли разбудил слугу: ему показалось, что внизу кто-то ходит; Дархем встал, взял шпагу, свечку и спустился на первый этаж, но через минуту поднялся и, хотя Дарнли был уверен, что не ошибся, объявил, что никого внизу не видел.

Первая половина следующего дня прошла без всяких происшествий. Королева женила одного из своих слуг по имени Себастьян; то был овернец, которого она привезла из Франции и к которому весьма благоволила. Но так как король пожаловался, что уже два дня не видел ее, она около шести вечера покинула свадьбу и, сопровождаемая графинями Аргайл и Хантли, поехала навестить его. Пока она пребывала у короля, Дархем, убирая свою постель, уронил огонь в соломенный тюфяк; тот загорелся, занялся волосной матрас, и Дархем, боясь, как бы огонь не перекинулся на мебель, выбросил их, горящие, в окно и, таким образом, остался без постели; он попросил у Дарнли разрешения поехать ночевать в город, однако король, помня свои ночные страхи и несколько удивленный той быстротой, с какой Дархем выкинул свою постель, попросил его остаться, пообещав ему один из своих матрасов, и даже предложил разделить с ним ложе. Но, несмотря на это предложение, Дархем стоял на своем, утверждая, что скверно себя чувствует и ему надо бы показаться врачу. Королева встала на его сторону и пообещала Дарнли прислать другого лакея, чтобы тот провел с ним ночь. Дарнли пришлось уступить; он только попросил Марию, чтобы она обязательно кого-нибудь прислала, и отпустил Дархема. Тут вошел Парис, которого королева упоминала в своих письмах; это был молодой француз, уже несколько лет живший в Шотландии; сначала он был на службе у Босуэла, потом у Сейтона, а теперь королева взяла его к себе. Увидев его, королева поднялась и, когда Дарнли стал ее упрашивать еще немного побыть с ним, ответила:

– Нет, милорд, никак невозможно. Я уехала со свадьбы Себастьяна, чтобы навестить вас, и теперь мне нужно возвращаться: я обещала прийти под маской к нему на бал.

Король не посмел настаивать и только снова повторил просьбу прислать к нему слугу; Мария вновь пообещала и уехала вместе со всею свитой. Что же касается Дархема, то он ушел, как только получил разрешение.

Было девять вечера. Оставшись один, Дарнли старательно запер изнутри все двери и лег, готовый встать и открыть слуге, присланному провести с ним ночь. Но едва он улегся в постель, как опять раздался тот же шум, что он слышал вчера; страх обострил слух Дарнли, и очень скоро он пришел к убеждению, что внизу ходят несколько человек. Звать на помощь было бессмысленно, убежать – опасно, и королю оставалось только ждать своей участи. Он еще раз убедился, что все двери крепко заперты, положил у изголовья шпагу, погасил лампаду из страха, что она выдаст его, и молча стал ждать, когда же прибудет слуга, однако часы уходили, а тот все не появлялся.

В час ночи Босуэл после довольно долгого разговора с королевой, при котором присутствовал капитан королевской гвардии, пошел к себе переодеться; через несколько минут он вышел, закутанный в широкий плащ немецкого гусара, миновал караульное помещение и приказал открыть ворота. Выехав из замка, он поскакал в сторону Керкфилда и там через пролом проник в сад; едва он сделал несколько шагов, к нему подошел Джеймс Балфур, комендант замка.

– Ну, как дела? – осведомился Босуэл.

– Все готово, – отвечал Балфур, – мы ждем вас, чтобы поджечь фитиль.

– Прекрасно, – бросил Босуэл, – но прежде я хотел бы убедиться, что он у себя.

Босуэл открыл отмычкой дверь дома, впотьмах поднялся по лестнице и приткнул ухом к двери комнаты Дарнли. Король же, когда шум внизу прекратился, уснул, однако сон его был тревожен, о чем свидетельствовало прерывистое дыхание. Но Босуэлу было безразлично, каким сном спит король, – ему было важно убедиться, у себя ли он в комнате. Убедившись, Босуэл тихо спустился вниз, взял у одного из сообщников фонарь и прошел в нижнее помещение посмотреть, все ли подготовлено, как надо; это помещение было заполнено бочонками с порохом, и подведенный к ним фитиль ждал только искры, чтобы донести огонь до пока еще дремлющего вулкана. Босуэл, Балфур, Дэвид, Чемберс и еще трое их сообщников отступили в глубь сада, оставив одного, чтобы он поджег фитиль. Через несколько секунд и он присоединился к ним.

Несколько минут все они простояли в тревожном ожидании, безмолвно поглядывая друг на друга и словно ужасаясь самих себя; наконец, видя, что взрыва нет, обеспокоенный Босуэл стал упрекать подрывщика, что тот, должно быть, со страху плохо сделал свое дело. Подрывщик принялся уверять, что все в порядке, но, поскольку Босуэл хотел пойти в дом и убедиться в этом, объявил, что сам пойдет и поглядит, как обстоят дела. Он добежал до дома, заглянул в подвальное окно и увидел тлеющий фитиль. Через секунду он уже мчался к Босуэлу, делая на бегу знаки, что все хорошо; в этот миг раздался чудовищный взрыв, дом разлетелся на куски, город и залив озарился светом, что был ярче дневного, затем вновь все окутала темнота, а тишина нарушалась лишь падением камней и балок, сыпавшихся на землю, подобно градинам в бурю.

Назавтра в соседнем саду обнаружили тело короля; от огня его уберег матрас, на котором он спал; очевидно, Дарнли, терзаемый страхом, прилег на кровать, как был: в халате и домашних туфлях; его так и нашли, правда, без туфель, они валялись в нескольких шагах от него, и это позволило предположить, что убийцы сперва удушили его, а потом перетащили в сад. И все-таки правдоподобней всего версия, что убийцы положились на порох, средство вполне эффективное, и не стали предпринимать еще какие-либо дополнительные действия.

Была ли королева сообщницей убийства? О том знали только она, Босуэл и Бог. Но в любом случае ее поведение, как всегда неразумное, придало обвинению, которое выдвинули против нее враги, если уж не солидность, то, по крайней мере, видимость правдоподобия. Едва узнав о том, что произошло, она приказала доставить тело к ней и несколько секунд рассматривала его, лежащее на скамье, скорее с любопытством, чем со скорбью; в тот же вечер набальзамированные останки короля безо всякой торжественности были погребены рядом с Риццио.

По церемониалу шотландского королевского дома вдовы королей должны сорок дней провести безвыходно в комнате с плотно занавешенными окнами, в которые не проникает дневной свет; Мария велела открыть окна на двенадцатый день, а на пятнадцатый отправилась вместе с Босуэлом в Сейтон, загородный дом в четырех милях от столицы, куда к ней приехал посол Франции Дюкро, своими укоризнами вынудивший ее возвратиться в столицу; на сей раз на улицах не слышалось радостных кликов, которыми обычно приветствовали ее приезд; королеву встретили ледяным молчанием, а какая-то женщина крикнула из толпы:

— Господь да поступит с ней, как она того заслуживает!

Имена убийц вовсе не были тайной для народа. Босуэл принес портному великолепный наряд, который был велик для него, и велел перешить его по своему росту. Портной узнал наряд, принадлежавший королю, и заметил:

— Все правильно. По обычаю палач получает одежду казненного.

Тем временем граф Леннокс, поддерживаемый глухим недовольством народа, громко потребовал судебного расследования обстоятельств смерти сына и объявил, что выступит обвинителем его убийц. Королеве, чтобы успокоить расшумевшегося отца и народное возмущение, пришлось повелеть графу Аргайлу, верховному судье королевства, начать следствие; в тот же день, когда был отдан этот приказ, по всему Эдинбургу были развешаны объявления, в которых королева обещала две тысячи фунтов стерлингов всякому, кто сообщит сведения об убийцах короля. Назавтра всюду, где висели эти объявления, были вывешены подметные листки, гласящие:

«Поскольку было объявлено, что тот, кто укажет убийц короля, получит две тысячи фунтов стерлингов, я, проводивший основательные разыскания, объявляю, что убийство короля совершили граф Босуэл, Джеймс Балфур, священник Флитц, Дэвид, Чемберс, Блейк-местер, Джин Спенс и сама королева».

Листки были сорваны, но, как это обычно бывает, их уже успели прочитать все жители города.

Граф Леннокс обвинял Босуэла, и глас народа вторил этому обвинению с такой яростью, что Мария была вынуждена поставить его перед судом, однако были приняты все меры, чтобы не дать обвинителю возможности восторжествовать над обвиняемыми. 28 марта граф Леннокс получил уведомление, что суд назначается на 12 апреля; ему были даны две недели на сбор доказательств против самого могущественного в Шотландии человека, и Леннокс, сочтя, что этот процесс не более чем издевательство, не явился на него. Босуэл же, напротив, пришел на суд в сопровождении пяти тысяч членов своего клана и двухсот отборных фузилеров, которые встали на страже у дверей, как только он вошел; таким образом, Босуэл предстал скорее как король, намеревающийся растоптать закон, нежели как обвиняемый, вынужденный подчиниться ему. Естественно, произошло то, что и должно было произойти: суд объявил Босуэла невиновным в преступлении, которое, как знали все, в том числе и судьи, он совершил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.